

РОДИНКА

Евгения Хамуляк

6+

Евгения Ивановна Хамуляк

Родинка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63590912

SelfPub; 2020

Аннотация

Когда вырастаешь – вопросы счастья встают особо остро. Прямо раз в неделю тебя точно кто-то, да или ты сам, спросит: а ты счастливый? А от чего ты счастливый? А когда именно счастливый? И тут, конечно, градом сыпятся картинки счастья, связанные с машинками, велосипедами, друзьями... Часто подобные воспоминания оставляют двойки след в душе и памяти: машинки ломаются, друзья подводят или ты их подводишь... Но есть истории, которые никогда не подводят. Всегда-всегда несут счастье, даже если оно случилось почти сорок лет тому назад... Бабушка Оля, дедушка Саша, Женька, кусачий петух, колдун-собака Байкал, вишня дедушки Бори, Зизи и другие – все это Родинка.

Евгения Хамуляк

Родинка

Когда вырастаешь – вопросы счастья встают особо остро. Прямо раз в неделю тебя точно кто-то да или ты сам спросит: а ты счастливый? А от чего ты счастливый? А когда именно счастливый? И тут, конечно, градом сыпятся картинки этого самого счастья, связанные с машинками, с велосипедами, с друзьями... Часто подобные воспоминания оставляют двойной след в душе и в памяти: машинки ломаются, друзья подводят или ты их подводишь... Но есть истории, которые никогда не подводят. Всегда-всегда несут счастье, даже если оно случилось почти сорок лет тому назад...

Больше всего на свете я любил пятницы. Но не потому, что это конец трудовой недели... У детей летом в деревне, брошенных на попечение бабушек и дедушек, нет конца недели. Выходные начинаются тогда, когда тебя, как попаданца забрасывают на планету, где живут лишь бабушки и дедушки, и заканчиваются днем, когда с первыми дождиками и осенними желтыми листочками посвежевшие отдохнувшие родители приезжают тебя демобилизовать с планеты счастья в мир серых будней.

А пятница была особенной, потому что приносили почту. Дедушка Саша становился крутым специалистом в мировой

политике и экономике, искусным рассказчиком историй про войну, и не одну, которые выпали на его век, а также магом и волшебником, чьи фантазии уходили так далеко, что угнаться за ними мог только увлеченный второклассник или не потерявший легкость души старик.

– Вот шельмы что творят! Все с ног на голову перевернут, обзовут малинкой, а ты ешь и причмокивай их навоз потом! – кряхтел дед Саша громко, что из окна обязательно раз в пятнадцать минут выглядывала бабушка Ольга, чтобы сделать замечание.

– А что ты меня критикуешь?! – вскидывался дед ровно в пятнадцать минут. – Мы их, фашистов, давили-давили! Я их один только целую тысячу повалил. Да какую там тысячу, как звезд на небе! – махнул он рукой на голубое-преголубое небо. – И Борис еще тысячу! А они, глянь, гниды, по-выживали, другими именами обозвались и теперь нас жизни учат. Васька! – бросил он мне сквозь поседевшую еще чуть рыжую бровь. – А ну, клянись, что навсегда коммунистом останешься! Иначе я тебя кормить не буду!

– Дед, да хватит тебе, – вынырнула бабушка из окна в положенные пятнадцать минут. – Что ты к ребенку пристал со своим коммунизмом, может, он и не знает, что ты там лопочешь.

Дед недоверчиво, будто не веря, посмотрел на меня ухахатывающегося от этой перепалки, и сказал:

– Вась, вот ты, когда ешь, ты свой палец или глаз одина-

ково кормишь? Или вот сердце и коленку? Оно ведь понятно, что сердце важнее, но коленку не покормишь, далеко не уедешь? Разве не ясно? Это и есть коммунизм, сынок! Всем поровну, – серьезно, будто выступая перед партией, вещал дед.

– Кормлю... – только и смог вымолвить я, и слезы брызнули из глаз, потому что я скумекал, что дед шутит. Рыже-вато-седая бровь хитро скривилась, он всегда так делал, когда шутил.

– И я кормлю всех поровну. А если ты разбогател, – и он потряс кулаком перед моей разинутой в улыбке конопатой рожницей, – так поделись с нищими. Мало тебе одному миллионов, что потеть-перепотеть не истратишь за жизнь все равно, – он обращался ко мне, но видел перед собой те «морды», так он их называл, с черно-белых полос своей пятничной газеты, – сдохнешь как волк, хоть чуть-чуть себе карму-то очисти перед судом-то божьим и человеческим... Сам потом о пощаде просить будешь...

– Почему как волк-то, дедушка? – заинтересовался я, сглатывая смешные слюни и вытирая соленые глаза.

Дедово сознание вместе с взглядом вернулись из мира капиталистов-буржуев и посмотрели на меня.

– Знаешь, мы когда шли на Берлин, много встречали богачеев-то... Только и их война не пощадила. В мирное-то время можно было б купить слуг себе. А когда бомбят, то слугам никаких денег не надо. Вот и оставались старые бога-

теи в замках своих, никому ненужные, без братьев и сестер, без жен и детей. Немощные и убогие душами и телом. Большие деньги жадность рождают, а она сестра вредная, большим веником родню из дома выметает, – потом увидел у меня неподдельный интерес к этой теме и продолжил:

– Так вот значит, заняли мы один такой замок. Знатный, красивый. Роскошный, – опустил дед глаза в пол, будто там оказался у себя в воспоминаниях.

– По закону военного времени надо было б в плен взять всех, кто остался, а некоторых особенно рьяных врагов и расстрелять для пущей верности. Да на счастье для души солдатской во всем замке один старый дед и оказался, да и тот к постели прикованный. Дух испустить ему осталось лишь в этой жизни, – он со значением причмокнул. – Я немецкий, как родной тогда знал. Враги – они ж как родня становятся: все думы про них, все планы об них, гадаешь, мозгуешь, изучаешь... Вот и выучил. Ну и вечерами подходил к старику, воды подать, так просто посидеть послушать что мелит. А ему это лучше любого подарка – внимание-то. Пусть и врага. Он мне и рассказал, что после жизни, какую прожил, суждено ему лишь волком родиться. Ибо прожил ее как пес поганый, все про себя думал, все себе загребал. Всех живых от себя прогнал, а вместо них картин да скульптур наставил, думал это и есть жизнь богатого человека. Сильно ошибался. Да только поздно. Вот и осталось волком выть.

– А он пощады не просил? – заинтересовался я взволно-

ванно, не зная как отнестись к этому персонажу, с состраданием или без прощенья. А дед сигналов не подавал на счет совести.

– Дак он черный колдун был, такие пощады не просят... – сказал дед под мои обескураженные вздохи. – Говорит мне, – усмехнулся, – де, давай тебе передам свои силы коварные. А ему: куда тебе старик, я сам колдун из колдунов. Тогда, говорит, возьми меня с собой, век тебе благодарный буду. Жизнь спасу, свою не пожалею.

И от сил, говорит, не отказывайся, их только глупые называют черными или белыми. Силы – это силы! А я, мол, твоим ангелом-хранителем сделаюсь, с войны живым вернешься. Пули тебя обходить станут.

– А что надо было сделать-то? – не стерпел я, пушисто моргая наивными глазами.

Дед помолчал, будто раздумывая, стоит ли мне такое вообще говорить, почесал нос, из которого бурелом седой торчал, но сказал:

– Воды стакан подать перед смертью старику да руку пожать... А как дух испустит, этот дух в пузырь посадить и в лесу отпустить, что б черный колдун себе зверя нашел...

– И ты сделал? – тихо спросил я, только представив себе эти ужасы с черным лесом и в горле пересохло.

– Саня, ты зачем ребенка пугаешь? Ночью спать не будет. Ну, я сейчас выйду, получишь у меня! Не дед, а прям Кощей какой-то! А вот ребенок дара речи решится, что Ваня с Ле-

ной скажут? Оставили, называется, школьника бабушке-дедушке, а возвратили инвалида.

Дед позвал за собой, чтоб продолжить разговор в другом месте. Подальше от вражеских ушей.

– Пойдем, к деду Бори вишню кушать. А то у этого старого жадины ее как чертополоха. Пусть делится... – и мы улизнули в самый момент, когда Бабушка Оля с пунцовым лицом и с полотенцем в руке уже вылетела на пустую улицу.

Пока шли присели на лавочке, чтоб договорить и заметили, как Байкал увязался за нами. Никогда не пропускал походов.

– Так получилось колдовство-то? – спросил я с придыханием.

Дедушка опять недоверчиво взглянул на меня, прикусил губу, но потом-таки разомкнул уста.

– Да, не боюсь я, деда, колдовства черного! – пытался убедить я его молчаливого загадочного. – И когда ты помирать станешь – принесу стакан воды. Ты только подольше поживи, – попросил я слезливо и прижался к его плечу в клетчатую рубашку чисто стиранную и выглаженную бабушкой.

Молчаливый он обнял меня молчаливого с глазами на мокром месте.

– Колдун колдуна видит издалека... А вообще, запомни, Васька, есть такие люди – ну прям сущие ангелы. Или точнее они так думают. И богу молятся, и в детские дома ездят, и за свет-газ урочно платят. Прям светятся оскалы у них ангель-

ские. А вот упадешь ты оземь, ну сделаешь ошибку какую – и руки не подадут, чтоб не мараться. А вот плохой человек, много в своей жизни падая, знает чем земля и пинки людские пахнут. Тут отличать надо уметь, – он поднял указательный палец вверх. – Тут надо уметь! Но я научу... ты не переживай.

– Ну а колдун? Колдун-то че?

– А что ему делается, вона бегают за мною... – и он указал на Байкала, смесь немецкой овчарки и какой-то странной породы: помеси волка или рассомахи. «Черте что» – называла его бабушка Ольга и давала мякиши, моченные в козьем молоке.

– Ой, – ойкнул я, зная собаку с рождения и никогда не предполагая что...

– Будет хорошо служить, в следующей жизни человеком станет. Может, и в наш род возьмем. Кто-то же должен силу переносить. А ее, внучок, очень тяжело переносить бывает. Если на добрые дела не пускать, она тебя изнутри сожрет. Как немца того...

– Ой, – выдохнул тяжело я. – А я ж художником собирался стать... как мамка.

– Это дело хорошее, – похвалил дед. – Будешь рисовать родные просторы да загадки души русской. Будет тебе такое раздолье! Тут ведь понимать надо! Я ведь тоже рисовал... да в войну все поглось, – показал он огромные рабочие, совсем не художественные, руки.

– А тебе сила-то хоть раз пригодилась? – спросил я вкрадчиво.

– А то! В японскую в засаде... В Берлине прям на подходе... и в Польше...

– Ой, а расскажи про Польшу, это про детей голодных, да? – выпрашивал я, совсем забыв про вишню.

– Ехали зимой... – и будто холодом обдало от его слов. – Деревни пустые. В каждом доме трупы. Или от бесчинств. Или от голода. Но делать нечего, где-то надо остановиться на ночлег. А я один был и Байкал, пес. Везли консервы нашим бойцам. Дело военное. Не довезешь хоть баночку – расстрел.

Вижу, – он приложил ладонь к бровям, всматриваясь вдаль. – Из одной хаты дымок идет. Подъехал, – вытер двумя пальцами у рта. – Осторожно вошел... Деревня-то после боя. Солдат не должно было остаться, ни наших, ни ихних... А там семья на скамьях от голода помирает. Все уже опухли от голода. Страшный запах смерти повис, хоть топор вешай. Мать взнемогла первой, вот и некому кормить шестерых стало. А зима лютая, как назло.

Говорит мне по-ихнему что-то. Молит о пощаде. Только непонятно о какой: быстрой смерти или долгой. Вталкивать ничего не стал, тут надо сразу решать. А на деле, шесть часов у меня было. Достал я свой паек и сварил им похлебку из топора, что называется. После голода, по первости – это то, что надо. Сразу-то есть нельзя, запомни. По чуток отходить от смерти надобно, по шажку, по наперсточку, а то спохва-

тится, быстро загребет костлявая.

Я сглотнул, плохо понимая его слова, но боясь переспрашивать.

– Попоил их бедняг, а наутро уехал. Только пару консерв в бак с топливом засунул для них, раскроют – расстрел, а не раскроют – им привезу на обратном пути. Как во сне, не знал что будет. Вот токашма на Байкала надеялся, – улыбнулся собаке и погладил.

– Приезжаем. Считают... а там все ровно. Я ведь уже готовился к расправе праведной. Война ведь. От пропитания солдат исход нашей земли зависел. А тут семья... за одной семьей, понимаешь, брат, миллионы жизней стоят. Тут выбирать надо.

– Я понимаю, – согласился я, не совсем понимая, но тон у деда был слишком серьезный, чтоб не согласиться.

– А тут все ровно, – он задумался, будто до сих пор не верил тому чуду. – Опять не спамши, помчался в обратный путь. Зашел в хату, а там воздух смерти пропал. Ожили ребята. Ну, я им дрова нарубил, мать мазями своими на ноги поставил. Три дня у меня было. Все им посвятил. С Байкалом поохотничали, добычу всю оставили. Ну и на работу, на фронт, умчал. А они молодцы, ведь наши тоже!!! Славяне! – крикнул он мне, как бы доказывая родство и правоту своих действий мне. – Выжили сами! Все шестеро детей выросли! И до сих пор меня не забывают, пишут... И я их не забывал и не забываю, пишу. Как-то вот так, Васька, бывает. Кто его

разберет, кто кому брат-сват. Вот помрем, потом уж узнаем, да? – развеселился он, как вдруг мы услышали тяжелый бег бабушки Оли.

– Ты посмотри на него! Не успокаивается, старый хрыч! Все страшает и страшает пацана...

Но мы уже не слышали, дали бег в другую сторону, где дед Боря проживал.

А проживал он не то слово!

– В кремле! Как президент, – смеялся дедушка Саша, легко одолевая бег в своем-то возрасте.

Белокаменный двухэтажный дом, загороженный белокаменным огромным забором, за которым цвели и благоухали вишневые, яблочные и миндалевые сады. Двоюродные дедушка Боря и бабушка Аглая, не уступая моим родным дедушкам и бабушкам, ухаживали за таким хозяйством в одиночку. Редко кто из трех сыновей приезжал из города. Хоть и не забывали родных, дорогие подарки отцу матери дарили, но вот визитами не баловали. Это ранило сердце дедушки Бори, об этом было не принято вспоминать. Но тут я всегда усмехался, потому что деда Саша почти при каждом удобном случае все-таки эту тему поднимал. Но тогда я не понимал, а может просто чувствовал, что брат брату все разрешал, вмешиваться и в кровоточащие и загнившие раны души. И деда Саша раз в две недели звонил каждому из племянников, напоминая о себе и о брате. В разных формах и тоне речи.

– Ну, что, буржуй, давай делись вишней с советской вла-

стью, – смеялся дедушка Саша, всегда придумывая прибаутки для встречи с братом. А были они не похожи внешне, как говорила Бабушка Оля, как коромысло с бочкой.

Дедушка Саша сухой и высокий, а дедушка Боря как огромная бочка с груздями, толстый и коренастый. Однако внутри оба горели как огонь.

– Нету больше советской власти! Добили ее. Демократия теперь. Свобода и раздолье, – громогласно и властно отвечал дед Борис, пожимая руку старшему братцу.

– Тогда принимай недобитки. Когда ваша демократия окончательно страну раздраит, в ад ввергнет, тогда вся надежда на недобитки ляжет. Так что корми от души нас, и еще с собой вишни наложи, – не уступал дедушка Саша.

Я тогда понимал, что за улыбками да смешками серьезные какие-то мысли стоят. И правильно понимал.

– Что ж только вишни?– кричала из окна Бабушка Аглая. – Колбасу давай, сало шмат. И возьми патиссонов, патиссоны Ольга любит.

– Не, – отмахивался дед, – мясо не возьмем. – А потом наклонялся ко мне и говорил, чтоб слышал брат:

– Свою козу никогда не ешь, Вася. Она тебя потом на рога и поставит, тока изнутри, за кишки возьмет и поставит.

– Все старые сказки... – махнул огромной рукой дед Боря и пошел в дом, зазывая с собой.

– Раньше слово «сказки» – быль означало. Мать всегда говорила. Своих не ешь. Отомстят.

– Ну а куда девать столько мяса-то? – возмущалась Аглая, тут же накрывая на стол для любимых гостей, доставая все самое красивое и вкусное.

– А куда вы столько заводите? Чей, не голод. Не третья мировая.

– Садись, Васек, – нежно погладил дед Боря меня по голове и очень ласково посмотрел на сходство роднее, вспоминая отца своего верно. Говорят, очень уж я на прадеда вышел хорошо.

– Что на майские не приедут? А картошку кто сажать будет? – в упор спросил дедушка Саша родню. Наступило молчание.

И через некоторое долгое время поднял голову дед Борис, а в глазах прямо огонь горит, мурашки по коже побежали.

– Что ты меня буравишь? – усмехнулся брат. – На мне знаки стоят окаянные, рикошетом может отлететь на тебя. Уймись, – махнул он сухой рукой с длинными трудовыми пальцами. – Я ведь спрашиваю не от любопытства или от злорадства. Ты меня знаешь. В последний раз поссорились из-за этого – три года не разговаривали. Хватит уже. Я же вот что пришел... – и он замялся. А дедушка Боря тут же сменил гнев на милость, завидев смятение.

Это все от того, что деду Сашу было тяжело чем-то смутить. Значит, дело не в вишне. Бабушка Аглая присела, понимая, что и ее касается.

Вот я тогда удивлялся, как это они друг друга без слов по-

нимают. Прямо мыслечтение какое-то! Но потом с возрастом оценил и тоже заметил эту особенность родственных душ.

– Надо тебе, Боря, день рождения свой справить... – начал дед.

– Вот те на... – промямлил Борис.

– Не хотел, чтобы вы от меня узнали, – и тут достал газеты из-под мышки, – эх! Да лучше от меня... Что я старый тяну?!.. На войну родина наша собралась. Да на плохую. А твои богатыри, служивые, храбрые да горячие, первые полетят.

Бабушка Аглая уронила чашку, дедушка Борис побледнел.

– Надо бы тебе, Боря, день рождения свой справить. И всю семью позвать. Чтоб все приехали. И никаких отговорок. Если что – припугни болезнью какой.

– Ну, зачем? Ну, зачем нам эти войны нужны? – начала причитать бабушка Аглая, что я тоже заволновался. – Вот что дома не сидится?! Зачем нам чужие-то конфликты. Зачем всех спасать? Себя б лучше поберегли...

– Ты давай, женщина, прекрати плач Ярославны, – серьезно сказал дедушка, у которого огнем полыхнули глаза на такие разговоры. – А ты хочешь, чтоб мы всем скопом забились в один город, а лучше в одну церковь, сели там сиднем, как ослы, и давай богу молиться о спасении, да?! – Так вот не выйдет! Думаешь, у врага жалость к тебе появится, если ты ослихой запоешь?

Раньше, да собственно и до сегодня, никогда не видел,

чтобы женщина, красивая женщина, которая еще в свои года являлась бабушка Аглая, с черными, как уголь глазами, острыми домиками-бровями, с цветом ежевики опалами в ушах, и красными, как малина губами, не обижалась на «ослиху». А только прикусила свою губу и размякла, с добротой глядя на свояка.

– Сожгут вместе с церковью и твоим богом!

– Богохульник, – тихо сказала Аглая. – Вот Ольга бы тебя слышала...

– Каждый день мой храп слышит, – парировал дед.

– Так вот, соберем всю семью и отметим юбилей твой, брат, – и скорбно сложил седо-рыжие брови, пока брат читал газету. А значилось там, что вооруженный конфликт только возгорается, собираясь распространиться на многие края нашей родины.

– Еще не уехали? – только поинтересовался Борис.

– Еще нет.

– А что совсем плохо дела?

– Позором закончится игра эта. Уж больно заигрывают с врагом, а тот ластится, подарочки делает, прям как рысь с тетеревом жирным играет, – и стал указывать на разные заголовки и статьи.

– Что там бабушка Оля делает? Почему в гости не пришла вместе с вами? – переключилась на меня бабушка Аглая.

– Пирог делает, завтра мама с папой приезжают в отпуск, – что знал отвечал я.

– А с чем пироги-то? – усмехнулась Аглая, трогая меня за мочку уха.

– Вроде с капустой... – вспоминал я, пытаюсь одним ухом прислушиваться к шушуканью дедов.

И вскоре дедушка Боря, набрав в легкие воздуха, будто собираясь с силами, переключил внимание с газеты на меня.

– Что, внучок ты мой родной, учит уже тебя деда Саня боевой магии?

Я быстро воззрился на деда. Какая-то боевая магия? И помотал отрицательно головой. Даже с обидой чуток.

– Такому в школе не научат. Ты, Вася, хорошо его слушай. Он меня еще учил. Может, мы благодаря этому огонь и воду прошли. У нас же мамки-папки не было. Мне дед твой и мамкой и папкой, и дядькой, и теткой родною был. Хорошо успела бабка наша кое-что порассказать ему самому перед тем, как ее большевики уколошили, – и укоризненно взглянул на деда. Тот отвел глаза.

– Есть моменты в истории, которыми мы, коммунисты, не гордимся, а стыдимся.

– А что ж твоя коммунистическая партия магию не одобряет? Вот узнали б где надо про твои приемчики да сказочки – не соскучился бы объясняться? – и стал смешно ухахатываться над братом, сделавшимся пунцовым.

– Дед, а ты что правда что ли черный колдун? – вдруг спросил я, как будто впервые вижу своего деда.

– Слушай больше Борьку, – только и бросил он, а сам от-

вернулся.

– Эх, люди! – вздохнул Борис и опять от души потрепал меня по плечу. – Какие вы счастливые! Вот нам бы хоть один из троих нарожал бы Васьков, Машуль, Варвар, Григорьев... Да, мать?

– Дождешься от них! – махнула рукой бабушка Аглая. – Каждый день мне только фотографии шлют с Канар, то с Африки, то еще с каких-то земель чужих. А оно надо?! Что дома-то не сидится? Кто будет здесь жить, работать? – и размахнула руками в стороны, указывая на хоромы, в которых только старики и проживали.

– А вот пусть Боря созовет всех сыновей со снохами, да с деверями, да со сватьями, кумовьями, разрешит друзей закадычных пригласить, устроит пир на весь мир, в баньке своей знатной попарит, как родных... Что ее жалеть-то? Авось и приедут целым миром... – и сам махнул рукой. – А если не приедут, внуки все равно приедут. Кто земле долг не отдал, все равно внуку-внучке возвращать. Крапивницей угрями пойдут в Африке-Америке своей, а сюда вернуться – как огурцы малосольные – родные и здоровые станут. Вот на Васька хоть гляньте, в городе задыхается, говорят врачи. Что там у тебя? Аллергия?! Тьфу на нее... А здесь, а ну, Васек, хоть раз воздуха-то не хватало?

Я помотал отрицательно головой, за что получил кулек конфет.

– Это да! – согласился Борис, – да хоть бы сначала наро-

жали. А то все для себя, да для себя!

– Война, брат, идет! Только раньше на нас танки свои гнилые гнали, а теперь хитрецы, поняли – русского солдата войной не проймешь. Они по мягкому, по душе, танками своими лживыми давай давить, приучать молодежь к веселой беззаботной жизни...

А если грянет завтра война настоящая? Кто постоит за землю, за мать с отцом, за деда и бабушку? – и стал размахивать газетой, как оплотом противника.

– Внуки, – вставил я свое слово, прожевывая шоколадную конфету, прилипшую к небу, и не дающую выговорить слово нормально.

Все трое воззрились на меня с интересом, будто увидали в первый раз, что я вырос.

– Я вас никогда не забуду, – проглотил-таки шоколадную прилипалу я и завидел, как намокли глаза у моих бабуль и дедуль.

Продолжение следует

Бабушкины Ольгины Сказки

– Вася, смотри, как мешать-то. Ты смотри сначала, потом делать будешь. По часовой стрелке, обалдуй, – медленно, размеренно, нежно, но как всегда напористо бабушка Ольга ткнула своим красивым пальцем мне в затылок, направляя внимание бестолковой головы на мешанину в огромном тазу. – Еще детям будешь показывать... – учила она, дру-

гой красивой рукой с большими рабочими пальцами, и светлыми, белыми, полупрозрачными ногтями, помешивая красивое тягучее тесто, усыпанное мукой в крапинку отрубей. И красивое золотое неснимаемое колечко с кабашоном граната, привезенным дедом из Чехии, с войны, все больше и больше погружалось в теплую душистую массу, становясь похожим на скульптуру из белого мрамора руки. Я опять засмотрелся на эту удивительную картину и тут же получил еще тык в затылок.

– Ну, бабушка, – заныл я. – Как я буду готовить? Да и для кого? Каких детей? Пусть жена готовит... Да ну, я никогда и не женюсь... – болтал я и получил удар, значительный, теперь уж по хребту.

– Ты что городишь, дурачок!/? Типун тебе на язык! – и белые красивые брови бабушки, которые редко сходили со своих орбит, потому что редко что-то могло столкнуть их со своих мест, понеслись к переносице. – Ты думаешь ради чего племя человеческое живет? В носу копошиться ради? Или пузо набивать требухой? Ради детей, конечно, дурачок! – шлепнула она меня еще раз, но уже более дружелюбно, видно вспомнив, что я и в самом деле дурачок еще по возрасту и что с меня взять. – Но больше так не говори. Мысли, внучок, они скакуны. Сказал – не воротишь! Да и боженька все слышит, и слова наши, как и мечты сбывает. Быстро, иногда и не заметишь – а они сбылись окаянные.

Я обернулся на икону Спасителя, рядом с которой тол-

пились игрушки-крупинички, сшитые бабушкой Олей, подаренные бабушкой Аглаей, какие-то были совсем старые, довоенные, наверное, еще с малолетства остались. И среди них стояла самая красивая, большая дама с бусами, в руках держа штук шесть детишек-крупенышей.

– А что ж Иисус твой не женился? – парировал я, задевший «дурачком» и «обалдуем». Бабушка на этот вопрос взяла мою руку в свою и цепко и неуклонно продолжала водить ею по часовой стрелке, что б я уразумел.

– Ибо несчастный он был человек...

– А вот и женился бы на твоей Макоши! – указал я подбородком на матрону, – может осчастливился бы.

Она посмотрела на икону, потом на куклу, потом на меня, и через минуту рассмеялась своим долгим, тягучим, глубоким, грудным, теплым, детским смехом.

– А может они и женились. То нам неведомо, ты лучше об себе думай. Ох, Васек-Васек! Выдумщик ты затейный. Какая девка на такого болтуна посмотрит?!

– Ну, зачем мне хлеб печь? – начал я уговаривать бабушку после маленькой победы, чтоб она меня отпустила побыстрее. Дед в сенях снедь собирал, намереваясь на рыбалку предвечернюю.

– А вдруг голод? – рассердилась бабушка на спешку. – Будешь знать, как сныть сушить, как муку из нее делать, чтоб волшебные лепешки получились, они голод на два дня гонят... – поучала бабуля.

– Ну, какой голод, бабушка?! Что ты говоришь?! Голод еще большевики победили... На дворе двадцать первый век, – повторил я любимую славу деда.

– А так война... может быть.

– Да мы ж самые сильные, кто против нас пойдет? – все спорил я, при этом не забывая все-таки помешивать тесто и подбавлять ингредиенты, на которые кивком указывала Бабушка. Честно сказать, катать тесто было приятно, а с сушеной снытью и еще какими-то травками, масса сделалась вся зеленая, смешная, а пахла так ароматно, что съесть хотелось сейчас, до запекания.

– И на твою долю хватит, сынок. Не беспокойся! – успокоил дед, с удочками заходя в дом. В другой руке, он как обычно держал свежую газету, с утра пятницы доставленную почтальоншей тетей Светой.

И стал ей махать. Как обычно. Как мечом или стягом.

– Ты понимаешь, обложили со всех сторон. Прямо, как на минном поле! Сталина на них нет!!! – краснел дед. – Дождутся! Дождутся, спиногрызы. Проснется русский дух. Покажет, где раки-то зимуют. Французы тех раков пробовали, фашисты вотась недавно откушали. А вообще, – и он приподнял седую бровь, за которой блестел недобро голубым свечением глаз. – Проигрываем мы, сынок, проигрываем по всем фронтам. – И отчаянно тихо выругался.

– Не ругайся, Саня! При хлебе нельзя... – спокойно молвила бабушка, что-то наговаривая на массу, которая оконча-

тельно была сформирована, переливалась всеми цветами радуги и даже была в крапинку. Но красивая-красивая. Вкусная-вкусная.

– Поэтому и на тебя, Вася, хватит. Учись, сынок, у бабушки науки врачевания...

– Она меня хлеб учит готовить, – хотел было похныкать я.

– Так хлеб и есть медикаменты, – удивился моему непониманию дед.

Теперь мои брови поползли вверх.

– Будешь все травы знать – никогда не захвораешь. Никогда! Где немец не пройдет, фин не пройдет, – и он наклонился ближе, – даже заяц сгинет от холода или голода, – ты жив останешься. Знаешь, татары почему всех завоевали? они ведь нам, братья хитрые, все порассказали про колдовство свое, когда мы им жердочку-то подпилили. Про зелье татарское. Трава есть болотная, как ведь, мать, она зовется? – спросил помощи дед у бабушки.

– Ирный корень или аир болотный, – подсказала та, с таинственным видом направляясь в красный угол, где печь, куда мужчинам вход заказан.

– Вот! Они его завезли черте откуда... Но вещь хорошая! Засадили им все болота, где локацию обосновали, и бед не знали. Какая хворь – а им хоть бы хны. Ну а потом уж, когда мы их победили, обменялись, так сказать, опытом-то...

– А вот как же мы их победили, если они такие хитрые были? – вымыл я руки и выставился как оловянный солда-

тик, готовый к рыбалке за пескарями.

– Потому что русские непобедимы, – удивился такому простому вопросу дед и торжественно вручил мне удочки с червяками. – Ну, пойдём что ли я тебя магии боевой поучу... Раз такое дело!

– Ну, наконец-то!!! – вскричал я радостно.

– Не орите, лешаки. Хлеб все слышит... – выглянула бабушка Оля из разноцветных занавесок, с грустью поглядывая на украденного дедом ученика.

Продолжение следует

«Васька, Колька и Зизи»

– Я вот одного не понимаю, – обращался дедушка Саша как бы к бабушке Оле, но чувствовалось, что он ни ей говорил. Да и ей было не особо до его размахиваний новой пятничной газетой, уже значительно помятой у основания кулаком. – Что они к нам все лезут и лезут?! Ведь живут получше нашего, судя по писанине своей же?! – и он опять с жаром напялил очки, удивительной прочности от таких пятничных страстей, на свой большой нос и стал вчитываться в проценты роста чего-то там, чего нам с бабушкой не дано было понять. Ибо оно никак не влияло ни на редьку в огороде, ни на красивые зелененькие огуречики из теплицы, ни на свиней в хлеве, которых мы только что с ней покормили.

– Главное, Ольга... Ольга! Да ты меня слышишь или

нет? – Бабушка повернула свое красивое безмятежное лицо с большими добрыми голубыми глазами, в которых отражалась вся правда мира. – Стало тяжело, понимаешь! Все вверх дном! Черт им в печенки! Диверсия! Не иначе.

– Тяжело, да, дедушка стало русскому солдату? – хотел подлить я холодненького кефирчика на дедовы раны, как на-ткнулся на тяжелый чернеющий на глазах взгляд пращура.

– Тяжело, Вася, должно быть врагам русского солдата!!! Ибо еще не одна вошь мимо сапога ейного не прошмыгнула... Только вот разозлить его трудно, уж больно ленив и жирен стал... на кредитах вражьих... – и стал читать какие-то экономические подъемы чего-то и спады кого-то. Читал-читал, а потом вдруг всмотрелся в меня и говорит:

– А ты, Васек, что дома-то тухнешь, как кочерыжка от капустки, почему не с Колькой по огородам носитесь? Хошь рыбалку организую, удочки вам сооружу, червей накопаю? – и просверлил меня взглядом до самых до носков, видя и смятение и румянец, и прячущиеся глаза.

– Поссорились что ли со столичным пижоном?

– Ну не то, чтоб поссорились... Просто он выпячивается, – я сама выпячил грудь, показывая, как друг ее колесом выставляет.

– Продолжай, – проговорил дедушка, откладывая скандальную газету в сторонку. Бабушка отошла в сени огурцы малосолить.

– Ну, он меня все поучает и поучает. Мол, это слово так

не говорится. Так вот и так – не делай, эдак вишь деревня немытая только делает. Приличные люди, по-другому себя ведут. Потом говорит, там не молчи, а здесь говори... Прямо до смерти надоел со своей школой! Смешно! – взорвался я, хотя было не до смеха.

– Странно, Вася... Он ведь у тебя не просто в приятелях, а в лучших друзьях ходил. Мы его по моему тесту военному проверяли. По всем признакам – лучший друг.

– Ну, проверяли, а он, взять, и изменился... – отмахивался я.

– Что-то, Вася, мне другое мерещится. Но если тебе, конечно, не интересно моего мнения послушать, – то помолчу! – закрыл он рот своими большими рабочими руками на замок.

Я сам замолчал, будто воды в рот набрал. Естественно, послушать мудрого деда, который никогда зря не скажет, зря не обидит и не похвалит – ой, как хотелось. Но чувствовалось, беседа волнительная предстояла, где я, сам не зная почему, знал, что выйду не красавцем.

– Ладно, валяй, – разрешил я, сразу приготовив недоверительное лицо.

– Ты, сынок, только сначала до конца выслушай, а потом скажешь свое мнение и морду козью строить потом будешь, – он удобнее уселся, прислушался, как копошится бабуля с огурцами, прикинул сколько времени есть до того, как она вернется и начал:

– Я, знаешь, не по своей воле мир повидал, и не только в столице бывал, в Москве нашей матушке, а везде, по миру. И японскую захватил и нашу отечественную. И скажу тебе честно, люди, Вася, везде одинаковые. Хоть чехи, хоть хазары, хоть самураи, хоть арабы, хоть евреи. Среди них много плохого племени и семени бродит, это правда, а много и хорошего. Но в городах больших, куда люди, как муравьи скапливаются от бестолковости и отчаяния, тоже свои плюсы имеются. От общежития тесного вырабатываются, сынок, правила суровые, что б другому на ногу или на голову не наступить. И в этом они, городские, от нас, деревенских, конечно, молодцы. Может и прав в некоторых местах Колька, что надобно ножик и вилку держать, как полагается, а не ложкой махать, будто саблей. В столицах учат ровнее быть, выдержанней, терпеливее, торопнее и расторопнее, – и он погладил меня по голове. – Но везде мера нужна. Мы ведь городским фору в удали, здоровье, в силушке, в смекалке мужицкой дадим. Земля русская только деревенским одним силу дает, ибо они ее милую только и орудуют в поле. Поэтому нос задирать ни одному, ни другому нельзя. А то так стенка на стенку пойти можно. И история знает такие примеры. – Он посмотрел на злосчастную газету. – А вот поучиться друг у друга есть чему. И раз ты обиделся на Кольку – значит, есть правда в его словах. Иначе б что тебе зря обижаться? Ну, назвал друг друга «дурачком», велика беда? Ты ж не дурак? Или как? – и вострился на меня своими острыми глазами из-

под седых мохнатых бровей.

Я надулся словно жаба, и минуточку пожевав губами, все-таки их разомкнул:

– Ты думаешь, я не понимаю? Все я понимаю! Вот этого самого и боюсь. Папка с мамкой собираются в Москву переезжать, знал? – и я воткнул свою иголочку в дедушкин взгляд, который тут же разбился, как стекло. Мне даже слышались падения осколков. Дед отпрянул.

– И чего это всех в Москву-то понесло? Дома стены навозом мазаны, что ль?

– Работа новая папке предлагается. Да и мамка говорит, ей там лучше. Здесь на художников как на инопланетян смотрят.

– Ну, сноха-то всегда с придурью была, это правда. А Иван-то что? Хочет всех в столице переработать? Здесь он кто, а там никто, – тихо проговорил дед, что-то прикидывая в уме.

– Ну и как я там буду жить? – взмолился я в отчаянии, думая о своей судьбе. – Колька все меня поправляет: мол, не okay, не акай, башкой не крути, как деревенщина... – я почти плакал от понимания, что нет мне больше места ни здесь, ни там.

– А ты и не крути, что тебе жалко? – сказала бабушка, входя в дом. – Городским всегда в деревне будет тесно, а деревенским в городе тошно. Это нормально, – проговорила она спокойно. – Каждому не угодишь. Кому бусы, кому серьги...

– Нет! – отрезал я весь бабушкин расклад. – Они какие-то другие эти городские... и я так хочу, но не понимаю... как надо!? Вот Зизи говорит, – обратился я к бабуле, чуть ошалелой от моих рассуждений. Дедушка тем временем весь погрузился в раздумья. – В Испании все бабушки и дедушки не хоронят себя в деревне, как рабы на плантациях, а каждый день танцуют в клубах и песни веселые поют. В свое удовольствие живут. А им еще за это правительство пенсии повышенные платят. Зизи ж в Испании живет. Она знает.

Бабушка заморгала, будто ей муха в глаз попала. Дедушка даже проснулся.

– Зизи?

– Ну, у них имена другие там дают, – повторил я за Зизи.

– Зинка что ль Вереднякиных внучка? – спросила недоверчиво бабушка Оля.

– Она, – ответил просто я.

– И что еще рассказывает твоя Зинка испанская зараза? – спросил заинтересованно дедушка.

– Ну что танцуют старики, какую бишь? Бачату! Или орчату? Короче, себя не гробят на полях, – припоминал я, как попугай. – Все красивые, веселые, вовсе на бабушек и дедушек не похожие. И им еще за это платят повышенные пенсии. Вот!

– А картошку с початками кто за них собирает? Какие рабы? Кто-то же должен на полях-то работать! Жрать-то хочется после танцев? – поинтересовалась хмуро бабушка. – А

нам вот танцевать некогда, сынок... Хоть я на свадьбе Ярославских, – вдруг прыснула она от воспоминаний, – дала жару. Кто свиньям давать корму будет? – опять возвратилась к хмурому тону, – кто за огородом ухаживать? Сад вишневый надо кумовьям собирать помогать. Кстати, Саня, Аглая уж дважды заходила, звала, – локтем тронула бабушка дедушку.

– А за внуками присмотр кто будет вести? – опять ко мне обратился серьезный взор голубых бабушкиных глаз. – У Бориса три снохи на сносях! – разулыбалась она, сменяя гнев на милость от таких вестей радостных. – Вот поедет Аглая помогать снохам-то! А кто еще поможет, как не родная свекровушка?! На то она и кровушка, милоч... – она погладила меня по голове и поцеловала. – Вот твоя жена забеременеет, я, если в силах буду, обязательно приеду помочь.

– А испанским бабушкам, – вдруг серьезно сказал дедушка Саша, – не с кем нянчится, внучков-то и нет. Перевелись, – он почему-то опять сурово схватился за газету, как будто она причина всех бед. – Вот они и пляшут от горя. Диверсия, Вася! Не иначе. А внучков у них нет, потому что огородов нет. Им ведь пенсии большие платят за то, чтоб они помои со своих супермаркетов жрали, какие уж теперь внуки? – он плотно сжал губы, они аж посинели. – Рабы. А рабам что воля, что неволя, вот и пляшут, чтоб забыться. Несчастные. Мы ведь с испанцами большие друзья были... А потом сплыли наши друзья... в омут капиталистический.

– А тебе вот, что скажу, Вася! Если какая бестолковка или

зараза глупость смолола... Это не значит, что надо глупость повторять. Сам подумай, разве хорошо, что бабушка на бабушку не похожа: пляшет, малюется, помои ест. Так мужик на мужика перестанет быть похожим, женщина на женщину. Глядишь, и дети переведутся от такой моды... – и топнул ногой. – А вот другая мода «для себя все жить» и молодых и старых, уже из ума выживших, изводит совсем. Ну, пожила она для себя, натанцевалась вдоволь до радикулита, а ради нее кто жить станет? Кто ее старую, немощную, любить на старостях лет будет, коли все на себя истратила? А ради полей колхозных кто станет жить? Ради природы? Ради общества? А если война, кто родину защищать пойдет?

– Да и пригоже ли бабе... – бабушка Оля не стала заканчивать. – Но ты, Вася, не беспокойся за нас, если думаешь, что мы не пожили. Пожили. Всякое было. Только в памяти, родной мой, танцы все стираются, а рождение и взросление детей, а потом внуков, и если Бог даст, правнуков, только и остается. На такое никакой пенсии не жалко.

Я слегка прослезился. Это увидели бабушка и дедушка и тоже почему-то стали утирать глаза.

– Уезжает Вася наш в столицу... – проговорил тихонечко дедушка.

– Покорять уезжает... – проговорила бабушка.

– Я вас никогда не забуду... – хмыкнул носом я и уткнулся в большую бабушкину грудь, пахнущую.... Пахнущую ... Большим Домом.

– Ты не забудь только про правнуков, ладно? – сказала она, поглаживая светлые мои волосы.

Продолжение следует

«Родинка»

– Свекровка, помоги, родная! – вскричала тетя Таня, влетая в нашу избу, держа на руках огненного цвета мою недавно народившуюся племяшку Женьку, которая словно очумелая, кричала во все горло, что виднелись первые десять молочных зубов.

«Эх, опять беда какая-то» – уныло подумалось мне, и я даже не скакнул с постели, как это делал раньше, когда ночью, обязательно прям ночью!!! Кто-нибудь из деревни прибежал с какой-нибудь напастью. То корова пеной пошла, то пожар, то ребенок с температурой – и все к нам. Нет, чтобы в милицию или в больничку...

Но здесь все-таки родня, и поэтому я привстал, надел майку, штанники и побрел за повскакивающими, словно солдатики из коробки, бабушкой Ольгой и дедушкой Сашей, на ходу надевающие одежды.

– Помоги, Ольга, кричит, как ошпаренная... А все этот прыщ виноват, – и тетя Таня перевернула двухгодичную Женьку спиной к бабуле, показывая невероятных размеров прыщ, нехорошего красного взрывного цвета. Да то не прыщ, а какой-то горб рос! Дедушка присвистнул, я маши-

нально тоже. Дядя Петя, что вошел позже «без лица», весь белый, уже не свистел, так как навидался этого и наслушался еще дома.

– Не дурите, езжайте в центр, пусть хирург глянет, – посоветовал дедушка. – У нас на войне и не такие гангрены бывали, – он почесал седую голову. – А, оне, хирурги, хрясь! – рубанул ночной воздух. – И нет проблемы-то! Не дурите. Тут специалисты нужны.

– Были мы уже у специалистов, – ответила слезно Татьяна, – прикладывали ихние и примочки и мази, так он только за этот день в два раза вырос, – и прикусила губу в страхе за единственную дочь.

– Не дурите! – грознее вещал дед. – Оне, хирурги, ножиками своими почидают и нет горба.

Все молчали и смотрели на бабушку Ольгу, которая внимательно всматривалась в ребенка, что-то кумекая.

– То не прыщ... – лишь кинула она, глянув в озабоченные лица родни, понимая, что ситуация критическая, и прямо сейчас надо принимать решение. – Дайте нам полчаса, а потом поедете в больницу. – Сказала и махнула рукой, чтоб все вышли из избы. Сама позвала внучку, но та продолжала орать, ничего не видя, ничего не слыша, как будто бес в нее вселился.

Я тоже побыстрее поплелся из крика-ора, чтоб в сенях где-нибудь прикорнуть, пока сыр-бор с прыщом уляжется... да только меня кто-то за шиворот воротнул назад.

– Вася, останься. Мне помогать будешь. Пойди полынь из чулана достань, из мешка с вязью. Нитку черную льняную, что я травы перевязываю принеси, – командовала спокойным голосом бабушка, хотя на руках у нее выворачивалась Женька, на которую страшно было смотреть. Чертенюк какой-то! Рожок только не хватало.

«И откуда столько сил, что б так орать-то», – подумалось мне.

– Силы бесятся, – ответила бабуля, моргнув, – мы сейчас их успокоим. – И подошла к умывайнику и давай красную вскипяченную Женьку умывать, от чего она еще в два раза больше взбесилась.

– Ладно, ладно, – не унималась бабушка, окропляя водой детское лицо. – Ты ж моя хорошая, ты ж моя любимая. Самая моя любимая! Никто никогда с тобой не сравнится... Всегда тебя любить буду, даже когда помру, – тихо-тихо зашептала ей на маленькое огненное ушко бабуля.

Я было хотел прислушаться к таким речам, мне ухо режущим, да бабушка толкнула в спину, что б поторапливался за прошенным.

Уложила на руках Женьку, закатывающую глаза и хрипом булькующую, силы истощались у ребенка, и давай посыпать тихонечко ее травкой, что я принес.

– Смотри, Вася, сынок, внимательно. Учись! Все в нашем теле нужное, ничего лишнего нету, ибо сверху получше знают, какой подарок или урок послать... И этот горб нужный...

Родной он нам, как мы друг другу, – и принялась ему слова все те же наговаривать, как песню: про любовь, про уважение да про то, что скучает по нему сильно, и знает, как он скучает по семье. Жалееет, что не в этой жизни увидеться придется, а может, Бог пошлет, хоть малую встречу, хоть одним глазком. Тем души родные и успокоятся...

– Погладь, сынок, свою сестричку... Скажи, как ты рад, что она родилась. Ведь хуже, Васек, ничего не придумаешь – как в одиночестве быть да жить, куковать. А так теперь у тебя сестра имеется. Есть кого охранять. Есть кому печали излить. Есть кого на день рождения позвать, да горе вместе выпить, если придется... Да не простая она у нас. Ух, сильная богатырша народилась, – потрясла в больших сильных руках бабушка свою действительно богатырскую внучку, – посильнее тебя и меня станется, – и улыбнулась своей улыбкой светлой и доброй.

К бабушке Оле с ее мешками травы да приговорами, я еще как-то привык, к дедушке с его боевыми приемчиками и сказочками про войну тоже, но вот к орущему ребенку, который отнимал все внимание моих любимых дорогих бабуль теперь к своей маленькой, хоть и упитанной персоне, – я привыкнуть не мог. И потому поморщился.

Но бабушка настойчиво подтолкнула одной рукой, и я тихонечко коснулся мокрой от пота и слез рыжей головки.

– Вот, Васек, Женечке-то не здоровится, была б она по-старше, как ты, рассказала бы я ей как горб убрать расту-

щий... Да ведь совсем мала. Говорить еще не научилась.

– Это же прыщ... – поправил я бабулю.

– Видел ли ты прыщи с кулак ростом?! – я и в самом деле поглядел на чудовищный красный кожный нарост и ужаснулся, чувствуя сострадание и жалость к сестричке. Прикусив губу, я посмотрел на бабушку, готовый расплакаться, лишь бы напасть с прыщом ушла и болеющий ребенок успокоился.

– Запомни, Васек, в жизни не раз пригодится... все в нашем теле нужное, токашма понять надо, на что нужное. А что б уразуметь – поговорить требуется, на то нам Господь язык и уши послал.

Я взметнулся глазами на бабушку: с кем поговорить? С горбом что ль?

– С горбом, с горбом, – опять, будто услышав мои мысли, повторила бабушка, переходя на шепот.

– Вот скажи, Васек, кем ты в жизни мечтаешь стать? – я одурело заморгался, вот те на! в полночь какие вопросы задаются.

– Сначала солдатом хочу стать, как дедушка Саша... – неуверенно начал я, когда получил подзатыльник за нерасторопность. – Родину хочу защищать и научиться в армии танком управлять, и из автомата стрелять, и что б сильным быть и красивым, ну на фотокарточке хорошо выйти, что б мамка с папкой гордились и невеста... и Вы с дедулей... А потом...

– Да... – поддакивала бабушка, все поглаживая сестренку и втирая в нее траву.

– А потом генералом хочу заделаться, нет! Маршалом! Как Жуков! – мои глаза взметнулись куда-то, где жили мечты о моем большом и заметном будущем. – Хочу такую армию создать, что б ни одна вошь фашисткая носа не сунула на нашу землю. Такую мощь! – я показал кулак выдуманной вше, повторяя немного за дедушкой Сашей, который всегда так делал, и мне нравились его этот взгляд, жесты, слова, – чтоб все войны на свете прекратились! Чтобы знали, подлюки, с кем дело имеют и на кого прут! И что не сойдет с рук коварство и подлость. Вот так их держать станем! – и показал кулак, намертво сжатый до белых костяшек, светившихся в лунном свете этой ночи.

– А хотел бы ты, Вася, что б у тебя сын родился и по твоим стопам пошел? Все слова твои верные за тобой повторил и в жизни сумел в быль превратить? – говорила бабушка, но я ее не слышал... и не видел ни Женьки, ни дома, ни ночи, сон, как рукой сняло... Был я где-то в других краях и землях, и назывались они – мечтами моими. Хоть днем, хоть ночью готов был я часами о них грезить. О временах этих светлых.

– Хотел бы, – сухо, по-солдатски, ответил я.

– Значит, придет время и переродится сильный из сильнейших шуров и пращуров в подмогу тебе и земле нашей общей. А покамест, – и она завязала вокруг прыща льняным черным шнуром четыре узла и поцеловала сердечно его, тот

уже не горел так яростно, да и Женька давно перестала плакать, а мирно спала на бабушкиной руке, пуская слюни, – а покамест потерпи. Придет и твое время, Чур... – и ничего мне ошарашенному не говоря, направилась к кровати и уложила малютку спать, накрыв своим одеялом, верно, еще не потерявшим тепло ее сна.

– Молодец, Вася! Уговорил Чура. Теперь все хорошо будет, – сказала бабушка и обняла меня крепко, прижимая к своему большому теплomu телу.

Через пару минут позвали тетю Таню и остальных, которые были удивлены не меньше моего.

– Спасибо, свекровка, – в жарких счастливых слезах говорила молодая женщина.

– Так на то мы и живы, родная, чтоб помогать, – и поддавалась на объятия любимой снохи. – Вы ведь в отпуск собрались? Так оставляйте Женьку... Не бойся, Петр, все хорошо будет, – теперь мать обнимала сына. – Я ж не против таблеток, таблетки – дело хорошее... – сын, не веря в волшебство, все-таки не выдержал и пошел поглядеть на дочку, которая мирно посапывала в бабушкиной кровати.

– Эх, мать, – и он закусил губу, обнимая ее вновь. – Спасибо. Что-то давно в городе живу, забыл про чудеса-то твои... – и вытер скупые мужские слезы.

– Езжайте, ей тут хорошо будет... А, одежду? – услышала она мысли снохи. – Васькины майки в платьях придутся. Разберемся. Езжайте, не думайте. Отдыхайте пока молодые...

Дед тоже обнял сына и сноху, и мы спровадили их утомленных, но успокоенных в долгожданный отпуск.

– Ну, что, Васек, в сени ложись, – приказал дед, видя, как на моем месте разлеглась пухлая Женька, похожая на перевязанную авоськой довольную розовую докторскую колбасу.

– Да понял уже... – не злобно отвечал я, беря свою подушку, и зная, что с этой момента все вот кувырком покажется, будет теперь эта колбаса у меня отнимать и внимание бабушки Ольги, и дедушки Саши и, небось, всю вишню поест у дедушки Феди с бабушкой Аглаей...

И как в воду глядел. Сам себе накаркал.

Побежал с утра спозаранку на речку купаться и, как назло, натолкнулся на петуха-дурачка, который никогда мимо меня равнодушно пройти не может, начинает пыжиться, фуфыриться, налетать, драться. Как будто я у него кур собираюсь отбить. Эх, если б не торопился на речку, то огрел бы дурачка паленом... А он не успокаивается и как клюнет меня в коленку, аж до крови. Ну, я и чертыхнулся на задиру плохим словом. Так слышу... смех!...

Из-за угла дома выглядывает довольная Женька в одних трусиках, все это время следившая за мной, видимо. И как она из дома выскользнула незамеченной?! Вдруг закричит на каком-то своем девчачьем малышковом говоре:

– Буя! Дую! А Ася на питуха ПАДВА сказав!!! – и под мое ошарашенное онемение и оцепенение, кстати, петух тоже обомлел, чувствуя новую угрозу, только уже более серьез-

ную и себе и своим курам, мы следили за тем, как убегает Женька, на спине которой красовалась большая, но милая черная родинка.

Продолжение следует